

Артамонов В.А. Русская армия после Петра I

// Военно-исторический журнал. 1997. №3. С.42-49.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

В истории русской армии XVIII века есть два рубежа: 1725 год (смерть царя-реформатора) и 1756-й (начало Семилетней войны). И Северная 1700-1721 гг., и Семилетняя 1756-1763 гг. войны явились суровым испытанием для русской армии. "Золотой век" расцвета Российской державы во второй половине XVIII столетия во многом обязан "великой духом армии", в которой все, от чудо-богатырей солдат до "екатерининских орлов" - полководцев были пропитаны духом победного наступления, воинской чести и долга. Великолепным символом той эпохи стал марш-гимн "Гром победы" композитора О.А. Козловского на слова Г. Р. Державина. Подобного не было в первой половине XVIII века, несмотря на победы русского оружия в петровское царствование. Даже гвардейцы Петра I рассуждали, как вотчинники XVII века: "...Петр I поступил бы гораздо умнее, если бы миллионы людей, которых стоили Шведская война и основание Петербурга, оставил за сохою дома..."{1}.

Судьба России всегда шла рука об руку с судьбой армии. Подъем страны при Петре I сопровождался становлением национальной регулярной армии, возрождение самодержавия при Анне Ивановне в 1730-1740 гг. активизировало вооруженные силы, воцарение дочери Петра Елизаветы восстановило петровский дух и традиции в армии. Первый русский император, обязав дворянство к принудительной военной и государственной службе, превратил его, по сути, в подобие крепостного сословия. Дворянство тяготилось обязанностью служить "с фундамента солдатского дела", постоянными походами и отрывом от поместий.

Победы в великой Северной войне были одержаны колоссальным напряжением сил нации и ценой милитаризации страны. Экономика государства не справлялась с непосильной задачей. Задержка жалованья офицерам стала обычным явлением. В 1724 - 1725 гг. армия вообще не получала денежное вознаграждение в течение 16 месяцев{2}. Правительство Екатерины I постаралось как можно скорее исправить положение. Солдаты и офицеры получили годичные отпуска без сохранения содержания, старым и увечным было позволено уйти в отставку, солдат стали посылать на хозяйственные работы. По штатному расписанию русская армия в 1726 году выглядела внушительно: 40 пехотных полков (52 436 человек), 26 драгунских полков (30 238 человек), 78 тыс. человек гарнизонных, 35 тыс. иррегулярных войск и 4000 человек служило в артиллерии. "Низовой" ("Персидский") корпус состоял из 9626 драгун и 13 402 пехотинцев. Элитными частями русской армии и империи оставались Преображенский и Семеновский гвардейские -42- полки. В наличии, конечно, было меньше: в пехотных полках, например, состояло всего 41483 человека{3}. Поставка рекрутов и недорослей не восполняла и трети убыли в войсках, не хватало патронов, пороха и фитилей, многие фузеи пришли в негодное состояние. Страсть к власти, а не дела армии заботили А.Д. Меншикова, когда он через шесть дней после смерти Екатерины, 12 мая 1727 года, производил себя в генералиссимусы русской армии. Два года и восемь месяцев правления царя-подростка Петра II (1727-1730 гг.) временщики считали

счастливейшей эпохой XVIII века. Замерло все: никого не принуждали служить, на всех границах был мир. Боевой порядок в армии "весьма расстроился". Очередной дворцовый переворот 1730 года привел на трон племянницу Петра I курляндскую герцогиню Анну Ивановну (1693-1740 гг.), двадцать лет прозябавшую в немецком окружении митавского захолустья. При этой мужиковатой, малообразованной и надменной женщине и ее фаворите И. Э. Бироне (1690-1772 гг.) в Российской Империи было реставрировано самодержавие.

Десятилетнее немецкое засилье оставило печальный след в русской истории. Была заброшена сибирская программа, сдали среднеазиатское и персидско-индийское направления, границу в Прикаспии снова сдвинули к Тереку, на Балтийский вопрос смотрели сквозь "голштинскую щель".

Однако так же, как и при Петре I, немецкая партия не собиралась отторгать земли у практически разоруженной Речи Посполитой, предпочитая всю ее территорию держать под своим контролем. Много внимания она уделяла и черноморской проблеме. Сильный общий противник Османская империя логично привел Россию и монархию Габсбургов к союзу, заключенному 6 августа 1726 года и определившему русско-австрийские отношения на весь XVIII век.

Поднять вооруженные силы после безвременья выпало Б.Х. Миниху (1683-1767 гг.). Предки его вышли из голштинского крестьянства, но сам он был весьма образован: знал латынь, французский, математику и инженерное дело. С 16 лет Миних вступил на военное поприще: служил во французской, австрийской, польской и нескольких германских армиях -43-; сражаясь под знаменами Евгения Савойского, участвовал в крупнейших битвах войны за испанское наследство: при Ауденарде в 1705-м и при Мальплаке в 1709 году. Петр I принял его на русскую службу в 1721 году в чине генерал-майора, но держал на инженерном деле. Высокий, властный, энергичный, неробкого десятка, Миних ставил перспективные цели и упорно к ним стремился. Крайне честолюбивый (после свержения Бирона он пытался стать генералиссимусом, а под конец жизни именовал себя "старшим фельдмаршалом в Европе"{4}), что сочеталось в нем с необыкновенным фантазерством, Миних, в частности, считал, что Анну Ивановну (а позже и Екатерину II) удастся короновать венцом Восточной, т. е. Византийской империи.

Дворянство, не желавшее служить солдатами и матросами, добилось-таки, что центральная власть пошла ему навстречу, и в 1731 году по инициативе сподвижника царя-преобразователя П. И. Ягужинского была учреждена офицерская школа для дворян Шляхетский кадетский корпус, шефом которого стал Миних. Обучавшиеся там сотни российских дворян и остзейцев по окончании получали младший офицерский чин или звание гардемарин в зависимости от того, шли они служить в армию или на флот. Организована была и артиллерийская школа на 700 человек, где, впрочем, не было ни порядка, ни надзора. Учителей не хватало, арифметику преподавали двое подмастерьев, а потом вечно пьяный штык-юнкер Алабушев, судимый за убийство{5}.

По предложению Миниха в организацию военного дела были внесены изменения. Офицерам было разрешено подавать в отставку после 25 лет службы; на командные должности запретили назначать неграмотных; открылись гарнизонные школы; жалованье русских офицеров было, наконец, уравнено с жалованьем иностранных. В годы правления Анны Ивановны и Анны Леопольдовны вся военная власть в империи

оказалась в руках Миниха. Он был генерал-фельдмаршалом, президентом Военной коллегии, генерал-фельд-цейхмейстером, петербургским генерал-губернатором.

Реформы Миниха имели немецкую окраску. В первой половине XVIII века дружественные России государства Австрия и Бранденбург-Пруссия стали великими военными державами. К их вымуштрованной, наемной в своей основе маневренно-скорострельной пехоте и выездной кавалерии присматривались все соседи. Фельдмаршал считал, что он шел в ногу со временем, когда заменял петровское военное обучение, имевшее целью подготовку к бою, немецкой шагистикой. Были отменены одиночная подготовка, обучение штыковому бою; инициатива солдат всячески подавлялась.

Неверно было бы обвинять Миниха в жестокости. Отношение этого служака к русским солдатам и офицерам было не хуже и не лучше, чем отношение европейских военачальников к тому наемному сброду, который они именовали "помесью машины и скотины". Западная жестокая муштра нужна была, чтобы гнать наемника в огонь сражения и придать ему бодрый вид на парадах.

Миних не понимал, что исполнительный русский солдат, изначально почитавший офицера за барина, не нуждался в муштре. Эксплуатировать же русскую самоотверженность и храбрость ради личной славы фельдмаршал умел, цenia солдат не больше мух и не жалея их крови.

Армейские штаты 1731 года в отличие от штатов 1720 года стали устанавливаться отдельно для мирного и военного времени, но мало отличались друг от друга{6}. Гренадерские полки были расформированы и распределены по фузилерным полкам пехоты. Количество полевых пехотных полков осталось таким же, как и при Петре I.

Миних признавался, что не знает кавалерии. Он не умел использовать в бою и разведке драгун, появившихся при Петре, который сформировал драгунские полки с учетом восточно-европейских просторов. Полагая, что тяжелые рейтары и кирасиры сыграли решающую роль в победах Евгения Савойского над османами, Миних в 1731 году переформировал 4 драгунских полка в кирасирские, считая их полезными в погонях за степняками в Причерноморье. Кирасирская кавалерия была не только самой тяжелой, но и дорогой. Массивных лошадей для нее ввозили из Германии. Стоимость ее содержания была намного выше, чем драгунских частей. Не всегда удавалось подобрать и высокорослых всадников. Бывали случаи, когда рекрут не в силах был носить не только вороненую кирасу, но даже высокие ботфорты. Обучение кавалерии стали вести по прусским уставам. Вместо петровских быстрых атак с холодным оружием вновь ввели медленные аллюры и стрельбу с коня. Огромные государственные средства, затраченные на кирасирскую кавалерию, пошли прахом: в войнах с турками, татарами и поляками она оказалась бесполезной. Основной функцией этих величественных всадников стало участие в торжествах, караулах и похоронных процессиях -44-, за что они были прозваны позже "самоварниками" и "похоронным войском". Лишь в войнах с Наполеоном Бонапартом, когда тяжелой французской коннице нужно было противопоставить русских латников, кирасиры оправдали себя.

Попытке Миниха полностью заменить драгун кирасирами воспротивилась Военная комиссия. После всех переформирований 30-х годов кавалерия имела 1 гвардейский, 3 кирасирских и 29 драгунских полков (35 881 человек){7}.

В отличие от времен Петра I, который всегда стремился иметь как можно более мобильную, облегченную артиллерию, с 1731 года стали внедряться тяжелые и

неповоротливые орудия, изготовленные по иностранным чертежам. Петровские же были отправлены в переливку. Из Артиллерийского полка был выделен самостоятельный Инженерный корпус, состоявший из саперов, минеров и понтонеров, с инженерным штабом, полком и инженерной ротой. До 49 пехотных и семи драгунских (61358 человек) увеличилось количество гарнизонных полков. После спада в 1721-1726 гг. производство стрелкового оружия постоянно наращивалось. В 1736 и 1738 гг. было изготовлено по 25 000 солдатских фузей (против 15810 в 1721 и 1186 в 1724 гг.){8}.

В дополнение к Воинскому уставу 1716 года была издана "Экзерциция пеша" для обучения русских солдат прусскому строю и маршам.

Русская гвардия (особенно Преображенский и Семеновский полки) была отборной силой и опорой Петра Великого и империи. К этим "офицерским полкам", где даже рядовые были в основном из дворян, немецкие правители доверия не имели и позже пытались разослать солдат-дворян по армейским полкам, предлагая им офицерские должности, но встретили противодействие последних.

При участии Миниха петровский лейб-регімент был преобразован в пятиротный лейб-гвардии Конный полк на кирасирском положении, состоявший целиком из дворян. Этот полк должен был стать образцовым для всей русской кавалерии. Нижние чины конногвардейцев "рейтары" обучались по немецким образцам. Экипировка в полку была очень дорогой: подпоручика и корнета 669руб., ротмистра 1129руб., майора -1829руб., подполковника с 5 лошадьми 2729руб. {9}.

В 1730 году был основан новый гвардейский полк под командованием оберштальмейстера К. Г. Левенвольде, офицеры которого должны были отбираться из прибалтийских немцев и иностранцев, а рядовые - из эстонцев, латышей и украинских однодворцев. Все это делалось вопреки планам Петра, который целенаправленно стремился заменить иностранных офицеров русскими. Теперь же в российской армии, напротив, усиленно продвигали по службе остзейцев. Это был "наглый вызов национальному чувству" {10}.

Не отставал Миних и от европейской военной моды. В связи с превращением войн в "кабинетные" солдаты на западе стали выполнять не только боевые, но и, подобно театральным труппам, представительско-развлекательные функции. Некоторые полки набирались специально для "увеселения". Мишура и пустое украшательство все больше выделялись на мундирах. С 1732 года Миних стал внедрять в войска элементы декоративного стиля рококо: светлые парики типа "прусской косы", пудру, белила, манжеты и "на манер античности" штиблеты (холстинные гетры). Длинные косы у рядовых должны были оплетаться черной кожей, у офицеров черной лентой. Для нижних чинов пудра заменялась мукой, а чтобы она затвердела, ее накладывали в жидком виде. Со времен прусского короля Фридриха-Вильгельма I (1683-1740 гг.) прусские мундиры в целях экономии шились короткими и тесными, с узкими обшлагами и отворотами, с минимумом золотых галунов и золотого шитья. Аналогичная операция была проделана и с русским мундиром, при этом не был учтен холодный континентальный климат (ближе к концу жизни, в 1762 году, Миних советовал Петру III не вводить прусских мундиров в русской армии {11}). За нарушения уставных форм фельдмаршал стал "самых старых и заслуженных полковников пред фруктом армии под ружьем водить..." {12}.
Время Миниха было первым влиянием немецкого милитаризма в России. Потом будут

"волны" Петра III, Павла I и Николая I.

Как писал В.О. Ключевский, десятилетнее господство "курляндско-брауншвейгского табора" настолько накалило национальные чувства русских, что после елизаветинского переворота гвардейцы требовали поголовного изгнания всех немцев за границу{13}. Первой демонстрацией русской силы после передышки 1725-1730 гг. стала война за польское наследство 1733-1735 гг. ради поддержания русского влияния в Польше. Война велась между коалицией Австрии, России и Саксонии, поддержавшими Августа III, и Францией, выступившей на стороне Станислава Лещинского. Русские войска легко одержали победу. Правда, попытка Миниха взять штурмом Данциг 28 апреля 1734 года в честь дня коронавания императрицы Анны Ивановны обошлась русской -45- армии более чем в 2000 убитых. Гораздо тяжелее пришлось русским в войне с Османской империей, начавшейся в 1735 году. В 1732 году правительство Анны Ивановны отказалось в пользу Персии от завоеваний Петра I в Прикаспии и, проявив недальновидность, отодвинуло границу снова на Терек. Вывод войск "Персидского корпуса" на север оправдывался заботой о его личном составе, чтобы Гилян не превратился в "русское кладбище". В образовавшийся вакуум тут же попыталась вторгнуться Османская держава, и в августе 1735 года Петербургу пришлось разрабатывать план пресечения пути татарской коннице в Прикаспии с помощью "диверсии" в Крым, вывода оттуда христианского населения и рабов и взятия Азова{14}. Войска, посланные по настоянию Миниха в Крым после уборки там хлеба, как и следовало ожидать, потерпели неудачу. Ранние снега и холод, потеря 9000 солдат и почти такого же количества лошадей заставили 42-тысячный корпус генерал-майора И.М. Леонтьева, выступивший к Перекопу, 13 октября повернуть назад.

В середине 30-х годов Россия могла выставить 6996 человек пешей, 1080 человек кирасирской гвардии, 69 350 солдат пехоты, 29 908 кавалеристов, 4287 артиллеристов при 463 орудиях. В гарнизонах находилось 60 202 солдата пехоты, 6674 драгуна, 22 394 человека ландмилиции, 459 гусар, а также 55 тыс. малороссийских, 15 500 донских, 4000 слободских, несколько тысяч запорожских (с 1734 г.) и 500 чугуевских казаков, несколько тысяч калмыков{15}.

Победная Польская война резко усилила амбициозность планов Миниха. Фельдмаршал-державник предложил государыне в 1736-1737 гг. завоевать Азов, Ногайскую орду, Перекоп, Крым, Кубань, Кабарду, в 1738-м Белгородскую и Буджакскую орды, принять Молдавию и Валахию под крылья русского орла и как венец восточной программы короновать в 1739 году Анну короной Восточной (т. е. Византийской) империи{16}. Общеввропейская идея изгнания турок и татар из Европы прочно осела в голове фельдмаршала, и на склоне лет он предлагал то же самое и Екатерине II{17}.

Конкретный план кампании 1736 года, как и 1695-го, предусматривал рассечение Крымского ханства двумя русскими клиньями: вдоль Днепра и вдоль Дона. Миних не мог понять, что война с маневренным крымско-татарским противником очень трудна. В крымском войске артиллерии и ручного огнестрельного оружия было очень мало. Часть воинов имела щиты, сабли, копья и луки. Однако выносливость, закалка и храбрость позволяли им совершать молниеносные броски по 70 - 100 км в сутки на Украину, в Польшу, на Балканы, в Иран и даже в Месопотамию. Не имея пехоты, крымчаки эффективно использовали древнюю восточную тактику ослабления противника путем разорения его земель. При походе на юг Миних, вероятно, исходил из опыта В.В. Голицына и австрийцев. Армия

выстраивалась в каре, которое должно было не только отбиваться, но и атаковать. В конце мая следующего, 1737 года Миних двинулся к Очакову тремя огромными колоннами из 2757 гвардейцев, 50 508 пехотинцев, 25851 драгуна, 401 кирасира, 2842 артиллеристов, 9693 человек конной ландмилиции, 7000 донцов, 6000 запорожцев, 6000 малороссийских и 1000 слободских казаков, а также калмыков и гусар{18}.

Как указывал фельдмаршал, от Очакова до Стамбула было всего 3-4 дня пути. Полководец Анны Ивановны с удовольствием применил бы западную пятипереходную систему довольствия армии из магазинов, но вместо этого в причерноморскую степь ему пришлось взять чудовищный обоз, который вместе с кавалерией, как и в 1687-1689 гг., надо было укрывать в каре. Содержание армии оставляло желать лучшего. Однообразие питания, летом и зимой состоявшего в основном из хлеба, круп и мяса, приводила к частым заболеваниям даже в гвардии. В донесениях из действующей армии упоминается до 40 видов болезней{19}.

Под смрадом пыли и пепла подожженной степи, в пекле, от которого рассыхались даже бочки с водой, солдат форсированным маршем гнали на юг. Согнанные в середину каре люди с лошадьми и волами оказались в антисанитарных условиях. Начались эпидемии. Скот не мог находить себе корма.

В то время в степях от Донца до Днестра находилось до 90 тыс. степняков. Очаков защищали 22 тыс. воинов при 98 пушках. Однако ханское войско оказалось бессильным против этого неуклюжего каре.

В первых числах июля 1736 года был взят Очаков. Османские потери составили почти 16 тыс. убитыми и ранеными, 4650 человек было пленено. Русская армия потеряла при штурме крепости 1022 человека убитыми и 2841 ранеными{20}.

В августе из-за бескормицы большинство войск двинулось к Киеву, оставив в Очакове и Кинбурне русские гарнизоны. Одновременно с этими событиями вспомогательный корпус под командованием П.П. Ласси совершил поход на Крым.

Разорение гнезда Крымского ханства было оплачено чудовищной ценой: 46-я армия потеряла до трети своего состава от дизентерии, цинги, лихорадки 34500 человек, тогда как военные потери составили 2114 человек{21}. Но для дипломатов это не имело большого значения. На мирных переговорах с турками в Немирове в августе 1737 года Россия потребовала все Причерноморье от Днестра до Кубани вместе с Крымом. В случае выхода крымско-татарского населения ему обещали оплатить недвижимость. В крайнем случае соглашались на переход к России Керчского пролива с городами Керчью и Еникале{22}. 15-30 октября русские гарнизоны Очакова и Кинбурна отразили удар 40-тысячной турецко-татарской армии, которая также сильно пострадала от чумы.

В 1738 году Миних предпринял поход к Днестру и Бендерам. Перейдя Буг 21-25 июня, он с более чем 100-тысячной армией при 262 пушках двинулся навстречу расплывавшейся с юга чуме. Из-за громадного обоза войска преодолевали всего около шести верст в сутки. Случалось, что арьергард прибывал в лагерь поздно ночью или на рассвете следующего дня. Много солдат страдало от дизентерии и других болезней. Степняки охотились за повозками с провиантом и рассыпали по земле мешки с мукой и крупой. Снова массами гибли драгунские кони, а хорошей казацкой, калмыцкой и гусарской конницы было всего около 3000. Дезертирство распространялось даже среди старых солдат.

С 9 августа пришлось зарывать или топить боеприпасы и ломать тяжелые лафеты.

Потеряв около 11 тыс. человек от болезней и около 2000 от стычек с татарами, армия повернула от Днестра обратно. Из-за чумы пришлось покинуть Очаков и Кинбурн. Удачным был отвлекающий набег Ласси на Крым. 26 июня его войска вброд перешли Сиваш и с тыла взяли Перекопскую линию. Несмотря на то что жара и бескормица не позволили продвинуться в глубь Крымского полуострова более чем на сотню верст, Ласси оставался его хозяином вплоть до августа 1738 года. Русская армия вернулась обратно, потеряв всего 562 человека убитыми и 483 ранеными.

Миних, не считаясь с потерями, наращивал наступательные удары против османов. В мае 1739 года нацеленная на Хотин армия должна была состоять из 102111 человек при 290 пушках и 352 мортирках^{23}. 44-тысячный корпус Ласси при 118 пушках и 28 мортирках 10 мая выступил к Перекопу, но 15 августа повернул назад из-за невозможности продвигаться по выжженной степи. 28 мая Миних перешел польскую границу и направился в Молдавию и Валахию. По сообщениям разведки, хотинский Вели-паша и буджакский хан Султан-Гирей располагали 100-тысячным войском, в которое входили 5000 янычар и 52 тыс. татар. К моменту перехода Днестра 19 июля у Миниха было в наличии 56 140 человек, среди них 2600 раненых. Почти месяц, до 14 августа, приходилось отбивать мелкие нападения противника. 17 августа 1739 года русские одержали победу у молдавской деревни Ставучаны над 80-90-тысячной османской армией. Ее главнокомандующий Вели-паша прикрыл дорогу на Хотин тройной линией окопов и одиннадцатью батареями (70 пушек) и с тыла окружил русскую армию 40 - 50 тысячами татар. Внешне ситуация походила на мышеловку, в которую попал Петр I в 1711 году на Пруте, однако состояние армии в 1739 году было другое: солдаты рвались в бой.

Сделав демонстративный выпад на правый фланг противника, русское войско со всеми обозами и тяжелой артиллерией -47- в трех каре медленно двинулось к его левому флангу, перешло реку Шуланец по 27 понтонным мостам и на руках вынесло на крутизну всю артиллерию. Здесь армия сомкнулась в одно общее каре и неспешно, с остановками стала продвигаться вперед.

Вид ощетинившейся рогатками и огнем массы был настолько грозен, что после двух атак и потери тысячи человек турки бежали к Хотину. На месте занятой без боя неприятельской позиции до глубокой ночи раздавались крики: "Виват, великая государыня!" Ничтожность русских потерь (13 убитых и 54 раненых) говорила о психологическом сломе противника.

Через два дня без боя, сдался Хотин, турки бежали за Дунай, а 3 сентября 1739 года столица Молдавии Яссы признала русскую императрицу "истинной и самодержавной государыней"^{24}.

Прусский король Фридрих II называл Миниха российским Евгением Савойским. Действительно, мобилизация огромной военной силы, внушавшей ужас противнику, позволила фельдмаршалу превзойти Петра I в завоеваниях на юге. Азов, Очаков и Кинбург, Хотин и Яссы, Перекоп и Гезлев, "златопрестольный Бахчисарай" и Ак-Мечеть могли бы сделать честь любому полководцу, но на совести "второго принца Евгения" были колоссальные людские жертвы из-за неуклюжей оборонительной тактики огромных каре, как будто унаследованных от XVII века.

Быстро атакующие румянцевские и суворовские каре, построенные из 4 8 и 1 2 батальонов, с их перекрестным огнем дадут совсем другой победный эффект уже в

ближайшем будущем.

По Белградскому миру 18 сентября 1739 года Россия из-за посредственности и серости верховной власти обязалась нейтрализовать Азов и не иметь флота на Азовском и Черном морях. К морю пробиться не удалось, вернули лишь степи Запорожья, потерянные, в 1712 и 1713 гг. Несмотря на это, официальный Петербург праздновал и восхвалял "матернее попечение" Анны Ивановны, разбрасывавшей золотые и серебряные жетоны по столице и вручившей своему любимцу Бирону золотой с бриллиантами кубок, в который был вложен указ о его награждении полумиллионом рублей по случаю завершения войны. Ничтожность достигнутых результатов вряд ли можно оправдать выходом Австрии из войны. Швеция два десятка лет сражалась против коалиции шести государств в Северной войне. Турция воевала при Минихе с тремя империями одновременно: Российской, Австрийской и Персидской. Россия при ее военном потенциале могла рассчитывать на более существенные приобретения в случае продолжения войны с османами один на один. Через 20 лет после окончания Северной войны (1700-1721 гг.), отойдя от шока, шведы решили взять реванш за Ништадтский мир и 18 июля 1741 года начали военные действия с целью захватить Петербург и даже территорию до Архангельска{25}.

Русскому командованию поначалу пришлось создавать план обороны Карельского перешейка, Прибалтики и Кронштадта. Одержав первую победу над четырехтысячным отрядом генерал-майора Врангеля, спалив крепость Вильманstrand и пленив 1200 шведов, русские войска вернулись в Выборг.

Великодержавного наступательного порыва времен Карла XII Швеция была уже навсегда лишена, и после скромных военных демонстраций в приграничье и в связи с переворотом 25 ноября 1741 года, который привел на трон Елизавету Петровну, начались переговоры о мире. Еще не укрепившаяся на троне дочь Петра I предпочитала не воевать, но отказывалась начинать царствование с возврата того, что завоевал ее отец. 28 февраля 1742 года после окончания перемирия в Петербурге решили приступить к энергичным наступательным операциям для скорейшего завершения войны. При этом была сделана ставка на сепаратизм финнов, стремившихся к независимости от Стокгольма.

Тактика на финском театре военных действий была той же самой, что и в Северной войне после 1713 года. П.П. Ласси, располагая 36-тысячной армией, пошел из Выборга вдоль побережья Финляндии, используя транспортные суда для снабжения войск провиантом и боеприпасами. Донские казаки активно опустошали местность.

Шведы уклонялись от боя точно так же, как во вторую половину Северной войны. Они покидали даже выгодные позиции и укрепленные города (Мендолак, Фридрихсгам, Борго, Тавастгус).

24 августа 1742 года 17-тысячный шведский корпус капитулировал в Гельсингфорсе перед почти не превышавшим его по численности русским отрядом. Ласси отправил шведов в Швецию, а финских солдат распустил по домам, взяв в качестве трофеев 90 орудий. За позорную капитуляцию шведский главнокомандующий Ш. Э. Левенгаупт был судим и казнен в Стокгольме.

В очередной раз русские оккупировали всю юго-западную Финляндию вместе со столицей Або, где с января 1743 года снова начались переговоры о мире. Весной 1743 года русское командование -48- стало готовить десант, страшный для шведов по воспоминаниям двадцатипятилетней давности. Генерал Кейт под прикрытием ревальской эскадры прошел на

галерах в Абосские шхеры, вслед за ним должен был выйти из Кронштадта П. П. Ласси на 106 галерах и других судах. Угроза повторения хорошо отработанной в 1713 - 1721 гг. тактики, сулившей разорение шведского побережья, завершила войну. 7 августа 1743 года Швеция признала Ништадтский договор 1721 года, уступила России еще одну часть Финляндии и обязалась, как и Россия, не вступать во враждебные союзы. Русское влияние в Швеции стало таким же доминирующим, как и в Речи Посполитой.

Падение военной силы в послепетровское безвременье было кратким. Несмотря на неустойчивость центральной власти, структура и дух армии, которые дал ей Петр I, сохранились. В 30-х и даже 40-х годах еще служили ветераны "фундатора Отечества", прошедшие его школу.

Механические попытки ввести чужеземные нормы без учета русской военной специфики обернулись (и всегда оборачивались в последующем) бедой. Маховик миниховской военщины, раскрученный, может быть, сильнее, чем Петром I (но без творческого импульса последнего), приводил к колоссальным жертвам.

После окончания русско-шведской войны наступило затишье. 14 лет Российская империя не вела боевых действий - вплоть до вступления в Семилетнюю войну в 1757 году. Но военное дело в эти мирные годы не стояло на месте. Военная коллегия старалась исправить те недочеты, которые проявились в войнах 30-х годов. Резко увеличилось количество артиллерии, на вооружение были приняты новые образцы, отлично зарекомендовавшие себя в последующих войнах, - так называемые единороги (гладкоствольные гаубицы, приспособленные для стрельбы как бомбами и ядрами, так и картечью) и "секретные", или "шуваловские" гаубицы, стрелявшие картечью. Огромная заслуга в перестройке артиллерии принадлежала графу П.И. Шувалову, перед самым началом Семилетней войны ставшему генерал-фельдцейхмейстером.

Резко увеличилось количество легкой, т. е. драгунской и гусарской кавалерии (23 из 32 кавалерийских полков). Каждому кавалерийскому полку была придана собственная артиллерия.

В 1755 году были приняты новые уставы (пехотный и кавалерийский), в которых была окончательно отвергнута идея общеармейского каре как боевого наступательного построения. Теперь предпочтение отдавалось гораздо более маневренным колоннам. Изменилась система снабжения действующей армии. Боевые действия в ходе Семилетней войны, в которых русским отрядам противостояли прусские войска, заслуженно считавшиеся до того времени лучшими в Европе, показали, что военная реформа в русской армии была удачной.

Примечания:

{1} Уланов В.Я. Оппозиция Петру Великому // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. В шести томах. Репринтное издание. Т. III. XVIII век. Первая половина. М.: ГИС; Патриот, 1992. С. 98-99.

{2} Керсновский А.А. История русской армии. Т.1. От Нарвы до Парижа 1700-1814. М: Голос, 1992. С.67-68.

{3} Нелипович С.Г. Русско-австрийские союзные связи второй половины XVIII в. (1726-1750). М., 1992. Канд. дисс. С.48-49.

- {4} Бантыш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4 т. Репринтное воспроизведение издания 1840 г. М.: Издательское объединение "Культура", 1991. Ч.1. С.200.
- {5} Данилов М.В. Записки артиллерии майора М.В. Данилова, написанные им в 1771 г. М., 1842. С.30- 31, 52, 53.
- {6} Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С.55.
- {7} Там же. С.57-58.
- {8} Там же. С.86.
- {9} Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.20, оп.1, 1742 г., д.21, л.50.
- {10} Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. Т.IV. С.296.
- {11} Баиов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736 - 1739 гг. СПб.: 1860. Т.1. С.196.
- {12} Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. Кн.XI.С.224; Порхомов С. Об исторических записях сержанта, после подпоручика Черниговского пехотного полка Саввы Порхомова с 1735 по 1744 г. Кострома. 1895. С.30.
- {13} Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. Т.IV.С.301.
- {14} РГАДА, ф.177, оп.1, 1735 г., д.8, л.60.
- {15} Нелипович С.Г. Указ. соч. С.75.
- {16} Баиов А. Указ.соч. Т. 2. С.1, 444.
- {17} Бантыш-Каменский Дм. Указ. соч. Ч.1. С.199.
- {18} Нелипович С.Г. Указ.соч. С.173.
- {19} РГАДА, ф.20, оп.1, 1735 г., д.31, лл.47-48.
- {20} Миних Э. Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих. СПб. 1817. С.108-119; Соловьев С.М. Указ.соч. Кн.X. С.423; Баиов А. Указ.соч. Т.1. С.390-391.
- {21} Нелипович С.Г. Указ. соч. С.162.
- {22} Баиов А. Указ. соч. Т.1. С.443.
- {23} Там же. Т.2. С.130-132.
- {24} Там же. С.225-232, 246.
- {25} История Швеции. М: Наука, 1974. С.293. -49-